

Форма и содержание как война и мир в русской философии языка XIX–XX веков ¹

В. В. Фещенко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация: Рассматриваются некоторые стадии эволюции взглядов русских лингвистов и философов языка на проблему соотношения формы и содержания. После «мирного» периода «братства» и «гармонии» содержания и формы в лингвистических учениях А. А. Потебни и его школы наступает период «войны» против «содержанизма» и «психологизма» в языкознании под знаменами русской формальной школы (В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум). Против чего и во имя чего воюют повстанцы? Какими жертвами отвоевывается примат формы в искусстве слова? Следует ли за этим «примирение» «победившей» формы и «пораженного» содержания? Отвечая на эти вопросы, мы обращаемся к аргументам защитников и сателлитов «потепнианского» фронта после «победы» русского формализма – А. Белого, С. А. Аскольдова, Б. М. Энгельгардта, И. Плотникова, Р. В. Иванова-Разумника и др.

Ключевые слова: Форма, содержание, философия языка, Потебня, Андрей Белый, формальная школа.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1, ИЯЗ РАН. Тел. (495) 6900336. E-mail: takovich2@gmail.com.

«Гармония формы и содержания»: русская классическая литература и А. А. Потебня

Р. О. Якобсон в своих чешских лекциях, изданных недавно по-русски, отмечает, что «расцвет формализма в России связан со специфически русскими историческими предпосылками» и что формализм возник на основе исклю-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».

чительно богатой традиции [Якобсон, 2011, с. 13]. Отвечая современным ему западным критикам, жалующимся на традиционное пренебрежение к художественной форме в русской культуре, он обращает внимание на проблему формы в русской средневековой литературе и искусстве. Даже в эпоху реализма, согласно Якобсону, пренебрежение вопросами формы было видимым, но, в сущности, русская литература от А. С. Пушкина до Н. С. Лескова всегда была озабочена не столько содержанием произведений, сколько связью содержания с формой. Якобсон вступает и за Л. Н. Толстого, которого обвиняли в отрицании художественности: «Даже когда Толстой начинает упорную борьбу против классического совершенства формы, когда он будто бы отрицает ее значение... в действительности это означает не разрушение художественной формы, а фактически лишь отрицание данной формы... во имя поиска новых форм» [Якобсон, 2011, с. 20].

Эта апологетика одного из лидеров русской формальной школы, действительно, имеет под собой основания. Именно в русской классической литературе XIX века вопрос соотношения формы и содержания в искусстве приобретает свою остроту, предвеляя дальнейший научный интерес к формальным элементам в поэтике. Так, например, у того же Л. Н. Толстого в эпилоге к роману «Война и мир», из которого будут черпать примеры остранения формальности, возникает мысль по поводу связи содержания и формы. Рассуждая о соотношении свободы и необходимости в мире человека, он использует эти понятия для иллюстрации своей мысли: «В первом случае, если бы возможна была необходимость без свободы, мы бы пришли к определению закона необходимости тою же необходимостью, то есть к одной форме без содержания. Во втором случае, если бы возможна была свобода без необходимости, мы бы пришли к безусловной свободе вне пространства, времени и причин, которая по тому самому, что была бы безусловна и ничем не ограничивалась, была бы ничто или одно содержание без формы» [Толстой, 1981, с. 349].

Форма без содержания недопустима в рамках эстетики Толстого, и любые попытки их развязать, с его точки зрения, не соответствуют природе искусства. Этот взгляд выражен и в другой известной сентенции русского писателя из его трактата «Что такое искусство»: главное свойство произведения искусства – «цельность» и «органичность», «чтобы форма и содержание составляли одно неразрывное целое» [Толстой, 1983, с. 132]. Идея о неразрывности и гармоничности формы и содержания в русской классической литературе была, кажется, впервые высказана языковедом и литературным критиком К. С. Аксаковым в статье 1839 г. «О некоторых современных собственно литературных вопросах»: «Когда внешнее (форма) есть соразмерное выражение внутреннего (идеи), тогда перед собою видим мы живое явление, в котором согласно, неразрывно сочетаются обе стороны, явление полное, истинное, ибо форма вполне выражает идею, идея вполне открывается в форме; но как скоро эта гармоническая связь нарушена, тогда явление становится недействительным; внешнее перестает быть выражением идеи, уже не существующей, отвлеченной, и должно исчезнуть, как все ложное» [1990, с. 159]. Эта идея о «неразрывном целом», о союзе и гармонии формы и содержания станет доминирующей и в русской мысли о языке начиная с первого русского фило-

софа языка А. А. Потебни. Она же будет объяснять завроженность русской культуры связью формы и содержания.

В упомянутом курсе «Формальная школа в русском литературоведении» Р. О. Якобсон подробно останавливается на первостепенной роли А. А. Потебни в становлении принципов русского формализма. Им подчеркивается, что идея об «автономии слова» – главная теоретическая заслуга Потебни – возникла благодаря тому, что в область формы и содержания языка вводится новый элемент – внутренняя форма, которая позволяет сделать качественно новый скачок в теории языка. До этого форма и содержание осознавались как противоположные категории, которые в идеале должны быть связаны воедино, но как связаны – оставалось неясным. Понятие внутренней формы открыло новое измерение в изучении слова, языка и искусства. Вместо диалектической диады классической эстетики «форма – содержание» возникает триада: «художественное произведение есть синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания)» [Потебня, 1999, с. 173]. Идея динамической связности в слове звука и значения, способа выражения содержания в сообщении, «отношения содержания мысли к сознанию» приходит на смену традиционному статическому соположению формы и содержания. Вопрос об изменении внутренней формы слова отождествляется Потебней в трактате «Мысль и язык» с проблемой соотношения языка в поэзии и к литературной форме. Потебня не считает собственно формой только внутреннюю или только внешнюю форму, но их единство, которое, в свою очередь, пронизано идеей произведения, его содержанием. Более того, он подчеркивает, что форма и содержание – понятия относительные: «В, которое было содержанием по отношению к своей форме А, может быть формой по отношению к новому содержанию, которое мы назовем С» [Там же, с. 159].

Неудивительно, что потебнианская модель языка строится по аналогии с моделью искусства. Сами термины взяты им из теории искусства и в дальнейшем будут концептуализироваться именно при изучении художественных текстов. По этой причине, как представляется, первые конструктивные отклики на теорию Потебни в начале XX века раздались не со стороны академической лингвистики, а из мира искусства. Та вульгаризация идей Потебни, о которой много писали впоследствии, приводила к тому, что проблематика внутренней формы отошла у харьковских его учеников на второй план, уступив место, скорее, развитию общей аналогии языка и искусства и отождествлению внутренней формы с чувственным образом. Характерно в этой связи утверждение А. Г. Горнфельда: «...в том, что называется формой, нет ничего, что не было бы содержанием» (цит. по: [Подольский, 1925, с. 869]). Здесь потебнианская концепция сведена к старому противопоставлению формы и содержания как двух механически соединенных сущностей, или – в лучшем случае – понятие внутренней формы сужается до психологически трактуемого художественного образа.

**«Единство формы и содержания»:
русский символизм и московская школа потебнианства**

Прорыв в распространении теории А. А. Потебни совершили русские символисты. Поскольку об этом к настоящему моменту написано немало ра-

бот¹, я вкратце назову лишь те идеи русского символизма, которые относятся к проблематике формы и содержания. Именно вокруг этих двух категорий выстраивается лингвистическая концепция наиболее последовательного преемника Потебни – Андрея Белого.

В своей ранней статье «Принцип формы в эстетике» (1906) А. Белый, критикуя два направления в теории познания – логический позитивизм и идеалистический психологизм, заявляет: «Нельзя форму отделять от содержания. И обратно» [2010, с. 140]. Тот же принцип проецируется им и на собственную теорию символического искусства, в формуле «символическое единство есть единство формы и содержания». Данная теория разрабатывается им в статье 1909 г. «Эмблематика смысла». Согласно этой концепции, художественный символ воплощается в единстве взаимодействия двух сторон искусства. Форма и содержание мыслятся как средство в построении цели – воплощения образа. Со стороны формы художественный символ не есть простое вместилище содержания, как это полагает классическая эстетика со времен греков. Он есть «ряд убегающих в глубину непознаваемого форм и норм; кажущееся содержание есть лишь порядок в расчленении формы; содержанием художественного образа оказывается непознаваемое единство, т. е. единство символическое» [Там же, с. 114]².

Если содержание символа оказывается непознаваемым, как полагает Белый, то что остается для анализа искусства? Каков этот порядок в расчленении формы? Белый устанавливает следующую модель движения от формы к содержанию образа: форма как эмпирическая сущность предопределяется «приемом работы» (заметим, что еще до формалистов вводится термин прием, однако в отличие от формального метода Белый не считает его главным элементом художественного произведения). Прием в его концепции предопределяется «условиями пространства и времени», последние далее – «формой творческого процесса»; та, в свою очередь, «формой индивидуального переживания», и, наконец, в основе лежит «норма творчества» [Там же]. Вся эта многосложная градация уровней формы и составляет, по мнению Белого, природу символа в искусстве. А достижением символизма провозглашается подчеркивание «формы художественных произведений», как говорится в статье «Проблема культуры» (1909) [Там же, с. 30]. За этот постулат спустя несколько лет и зацепятся пионеры формального метода, оставив, впрочем, без внимания всю эстетическую подоснову этой концепции.

После формулировки этих достаточно абстрактных законов в ранних статьях 1900-х годов А. Белый обращается за подкреплением своих аргументов к А. А. Потебне, называя его «философом языка» и посвящая его теории одноименный трактат «Мысль и язык» (1910). Исходный тезис о том, что

¹ См., например, из общих работ: [Weststeijn, 1979], [Cassedy, 1990], [Aumuller, 2005] и др.

² Ср. с аналогичным увязыванием содержания и формы в теории искусства В. В. Кандинского, в статье 1910 г. «Содержание и форма»: «Произведение искусства есть неразрывно, необходимо, неизбежно связанное сочетание внутреннего и внешнего элементов, т. е. содержания и формы» [Кандинский, 2001, с. 83].

«слово само по себе есть эстетический феномен» [Белый, 2006а, с. 205], перенимается Белым у Потебни. Белый был достаточно внимательным читателем харьковского ученого-лингвиста и воспринял от него представление о языке как о носителе непрерывного творчества мысли. Поместив потебнианские положения в собственно эстетический контекст, Белый придал им определенную обоснованность, равно как и немало поспособствовал привнесению достижений лингвистической мысли в область художественного творчества.

Важное положение беловского трактата касается взаимоотношения внешней и внутренней форм слова и языка: «Соединение звуковой формы с внутренней образует живой, по существу иррациональный, символизм языка... Символизм художественного творчества есть продолжение символизма языка» [Там же, с. 206]. Здесь уже А. Белый, по существу, переходит к формулировке своей словесно-эстетической программы «автономного слова», или, иначе, слова-символа. Внутренняя связь формального и содержательного элементов слова мыслится здесь как «живая». Белый противопоставляет «бесплодному» формализму логических теорий языка «животворную» силу символа. В нем он видит «максимальный расцвет внутренней формы; он выражается в многообразии переносных смыслов, открывающихся в звуке слова: слово здесь становится символом; автономия слова осуществляется в художественном творчестве; оно же есть фокус словообразований» [Белый, 2006а, с. 206]. Представление об «автономности» слова в поэтической речи, иначе – его самодостаточности, будет развито лишь несколькими годами позднее в теориях русского формализма и в практике футуристической поэзии («слово как таковое», «самовитое слово»).

От декларирования автономности слова-символа А. Белый вслед за А. А. Потебней делает следующий теоретический шаг, состоящий в том, что «из объединения внешней формы и содержания провозглашается единство формы и содержания как в словесном, так и художественном символе» [Там же, с. 207]. Делая такой вывод из идей Потебни, Белый предваряет и обосновывает один из главных лозунгов русского символизма. Одновременно закладывается основа для понимания лингвистической природы художественного знака – как синтетической формосодержательной единицы. Внутренняя форма приобретает такие характеристики в языке Белого, как «текучесть», «переменность», «неповторяемость в различных индивидуумах». Вывод Потебни о соотношении внутренней и внешней сторон слова Белый уподобляет поэтике романтизма с его грезами «о неизреченном, текучем, мгновенном и рационально непередаваемом значении, как бы сквозящем из глубины каждого слова» [Там же, с. 206]. Теорию Потебни он называет переходной между романтиками и французскими символистами, например, Ст. Малларме. В трактате о Потебне снова повторяется ключевой постулат символистской школы: «форма художественного произведения неотделима от содержания: это единство и есть символ искусства» [Там же, с. 211]. В позднем эссе, резюмирующем достижения символизма, говорится уже о «лозунге символической школы о форме и содержании», который «дает новые критерии в анализе лингвистических форм, теории слова, теории стилей, теории мифа, психологии, критике и т. д.» [Белый, 1994, с. 447]. К 1928 году, которым датировано это эссе, русская формальная школа, действительно, распространила действие этого прин-

ципа на все перечисленные дисциплины, а сам Белый назывался формалистами провозвестником нового подхода в филологии.

О создании в начале XX в. особой – московской – школы потебнианства, главой которой был А. Белый, писал его современник, русский филолог Б. М. Энгельгардт. Он же, кстати, называл раннюю теорию слова и поэтического познания А. Белого лингвистическим символизмом [Энгельгардт, 2005, с. 127]. При этом он отмечал, что гумбольдтовское понятие «внутренней формы слова», означает «ту внутреннюю специфическую энергию, при помощи которой формируется неразложимое единство звука-значения и которая, будучи динамическим началом слова, обуславливает его дальнейшее творческое становление» [Там же, с. 105]. Именно лингвистический символизм вкупе с постпетебнианской философией языка характеризовал концепцию внутренней формы как символа Белого¹.

Характерна эволюция воззрений другого поэта-символиста – В. Я. Брюсова – на проблему формы и содержания. В 1907 году, когда А. Белый публикует свои работы о символе как единстве формы и содержания, Брюсов достаточно консервативен в этом вопросе, он пишет вполне потолстовски: «В художественном произведении форма слита неразрывно с содержанием, вытекает из него, предрешается им» [1987, с. 288]. На первом месте здесь стоит содержание, оно оформляет материал и придает ему смысл. Однако спустя 7 лет, в 1914 году, позиция Брюсова меняется и сближается, скорее, с формалистской, зарождающейся в том же году: «То, что обычно называется формой в поэзии, есть, в сущности, ее “содержание”, а то, что называется содержанием (сюжет, мысли, образы) – только “форма”» [Там же, с. 354]. Теперь для него истинная поэзия идет «от формы к содержанию», «от слов к образам и мыслям». Содержание уже не двигатель формы, а то искомое, которое разрешается в поэтической форме: «...содержание, рождающееся из словесных сочетаний, по существу дела, всегда облечено в единственно возможную для него форму» [Там же]. В этом моменте сталкиваются две школы мысли и две художественные системы: с одной стороны, символистская, формосодержательная, с другой – постсимволистская, формальная.

«Борьба формы с содержанием»: формальная школа и футуризм

До сих пор в статье рассматривался тот этап эволюции понятий формы и содержания в русской мысли о языке, на котором обе категории выступали в «неразрывном», «органическом» единстве, а понятие внутренней формы служило той глубинной связкой, которая соединяет звук и значение слова в единое целое, в символ. Рамки этого этапа можно было бы обозначить от книги А. А. Потебни «Мысль и язык» (1862) до трактата А. Белого «Мысль и язык» (1910), а назвать этот период периодом мира – гармонии между формой и содержанием.

---

¹ См. подробнее о соотношении формализма и эстетики в русской теории 1910–1930-х гг.: [Фещенко, 2007], а также [Зенкин, 2004].

После этого периода наступает этап революции формы и войны формы с содержанием. Его возникновение совпадает с первыми манифестами и декларациями ОПОЯЗа, футуризма и авангардных течений в живописи. В 1914-м К. Малевич создает «Черный квадрат» и называет его «нулем форм». В поэзии радикальным проявлением этого бунта стал лозунг А. Крученых «новая словесная форма создает новое содержание», высказанный в манифесте 1913 года «Декларация слова как такового». Годом ранее еще более предельный вызов содержанию слова раздается от И. Зданевича в докладе «О письме и правописании» (1912). Он предлагает упразднить всю современную орфографию, поскольку письмо, как он считает, – носитель «умирающего слова» и его необходимо заменить новым заумным алфавитом. Существующая орфография случайна и не оправданна, она омертвляет слово, расчленяя его на неживые знаки. Необходимы, призывает Зданевич, новые «начертания», чтобы обеспечить свободу «языка, пригодного для искусства»¹. По его мнению, как раз современная орфография и отрывает слово от его смысла, поскольку не придает значения живой связи звука и содержания. «Слово – динамично, письменность – статична»², – заявляет он в манифесте. Против «знакописи» как условного пути закрепления слова Зданевич выдвигает концепцию «звукописи». «Звукописью» он называет «способ письма, заключающийся в создании устойчивых следов для непосредственного воспроизведения речи»³. Звук как таковой призван свидетельствовать о чистой форме, в отличие от знака, указывающего на содержание.

Пророчества футуристов и «заумников» о «чистом слове» сразу же находят отклик в литературной и лингвистической теории их современников. В том же кафе «Бродячая собака», где выступает молодой И. М. Зданевич, оглашает свою первую декларацию не менее молодой В. Б. Шкловский. В опубликованном в 1914 году манифесте «Воскрешение слова» он демонстративно стремится отмежеваться от поэтики символизма. На вооружение берутся ни больше ни меньше, как метафоры жизни и смерти: «Слова мертвы, и язык подобен кладбищу», «живо» же «только что рожденное слово» [1990, с. 36]. Со ссылкой на А. А. Потебню и главных представителей его школы – А. Г. Горнфельда, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и А. Н. Веселовского – Шкловский критикует «окаменевшие» слова обыденного языка, которые «стали привычными, и их внутренняя (образная) и внешняя (звуковая) формы перестали переживаться» [Там же]. На их место должны прийти «живые слова» и новые, «живые формы». Понятие формы уже в этом первом манифесте ложится в основу всего направления, и его главный тезис формулируется так: «“художественное” восприятие – это такое восприятие, при котором переживается форма» [Там же, с. 36–37]. В последующих текстах Шкловский откажется от потебнианского понятия «внутренняя форма» и будет выстраивать свои рассуждения о «затрудненной форме» и «чистой форме литературного произведения» на критике Потебни.

¹ ОР ГРМ. Ф. 177 (Фонд Ильи Зданевича). Ед. хр. 13. Л. 98.

² Там же. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 36.

Однако этот демарш имел скорее тактические цели в обосновании нового авангардного искусства, в реальности же ход мысли В. Б. Шкловского продолжает отрицаемые им формально принципы потебнианской поэтики¹. Воинственная риторика формалистов, несомненно, подогревалась духом времени: их первые выступления совпали с началом мировой войны, а дальнейшие – с революцией и последовавшей борьбой классов в советском обществе. А по вопросу отношения содержания и формы высказывался даже сам В. И. Ленин, записав в своих «Философских тетрадах» о природе диалектики: «Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» (цит. по: [Тимофеев, 1939, с. 815]). Через категории формы и содержания полемически оценивался весь художественный процесс. С одной стороны, раздавались критические выпады Л. Д. Троцкого против «формальной школы поэзии», с другой – А. В. Луначарский рассуждал по поводу неотделимости формы и содержания в искусстве, приводя слова В. В. Маяковского: «Вот эти люди! Для них форма и содержание в искусстве все равно, как генерал в мундире». Луначарский комментировал: «В этом определении наша мысль может показаться очень смешной на первый взгляд; однако на самом деле оно, действительно, приблизительно так. Есть художники, творчество которых как мундир без генерала, есть такие, у которых оно – генерал в мундире, а есть и произведения вроде генерала без мундира» [1921, с. 204]. Полемика между формалистами и их противниками была обострена даже в энциклопедических статьях. Так, в «Словаре литературных терминов» 1925 г. отмечается: «Мы имеем две основные позиции: защитников содержания и защитников формы» [Столяров, 1925, с. 1035]. Об атмосфере воинственности красноречиво говорит название публикации материалов Московского лингвистического кружка: «Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней» [2007].

Отличия формалистского подхода к соотношению формы и содержания от символистской эстетики резюмировал Б. М. Эйхенбаум в статье «Теория формального метода» (1925): «Символисты, принявшие общую теорию Потебни, потому что она оправдывала господство образов-символов, не могли преодолеть и пресловутую теорию “гармонии формы и содержания”, хотя она явно противоречила их же склонности к формальным экспериментам и опорочивала ее, придавая ей характер “эстетизма”. Вместе с отходом от потебнианской точки зрения формалисты освобождали себя от традиционной соотносительности “форма – содержание” и от понимания формы как оболочки – как сосуда, в который наливается жидкость (содержание). Факты искусства свидетельствовали о том, что специфичность его выражается не в самых элементах, входящих в произведение, а в своеобразном *пользовании* ими. Тем самым понятие “формы” приобретало иной смысл и не требовало рядом с собой никакого другого понятия, никакой соотносительности» [1987, с. 384]. В более ранней статье «О звуках в стихе» (1920) риторика Эйхенбаума была более воинственная. Протестуя против «целостности» и «слияния» как роковой ошибки теоретиков типа Белого, он замечает: «В искусстве нет простой мир-

¹ См. об этом: [Плотников, 1923; Cassedy, 1990; Зенкин, 2004; Сухих, 2011].

ной гармонии элементов, художественное произведение – сложный комплекс. Оно всегда – результат *борьбы* элементов» [1920, с. 2–3]. Симптоматично, что слово «борьба» выделяется Эйхенбаумом особо. Однако если в 1920 году, еще на гребне волны «боевого десятилетия» русского формализма, эта «борьба элементов» носила романтический характер, то к 1925-му формалистам пришлось держать серьезные бои с окружающей их советской идеологической формацией.

«Боевой вопрос»:

«гражданская война» между формалистами и содержанистами

Спустя несколько лет после боевых выступлений ранних формалистов против предшествующей «гармонии формы и содержания» в русской науке и общественной мысли появляется ряд ответных выпадов против самих формалистов. Причем необходимо различать две линии противостояния: между формалистами и последователями потебнианской линии в русской философии языка и между официальной социалистической критикой и формалистами.

Вторая линия исследована в настоящее время лучше, тогда как первая еще нуждается в пристальном изучении. К ней относятся концепции таких ученых, как Г. Г. Шпет, Б. М. Энгельдардт, М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, Н. И. Жинкин некоторые другие. Я остановлюсь вкратце на трех наименее изученных сюжетах, связанных с этой полемикой: 1) статья А. Белого «Жезл Аарона» 1918 года; 2) беседа о формальном методе в Петроградской Вольфиле в 1922 г.; 3) статья С. А. Аскольдова «Форма и содержание в искусстве слова» 1925 г.

Следует отметить, что практически сразу после опубликования манифестов В. Б. Шкловского А. Белый знакомится с трудами «формальной школы», которая, как было сказано, сама в свое время вышла «из шинели» Белого, хотя и в противостоянии с ним. В трактате «Жезл Аарона» с подзаголовком «О слове в поэзии», написанном ритмизованной прозой и вышедшем в 1918 г. в составе альманаха «Скифы», видны следы этого знакомства и резкая реакция против формалистского подхода к поэзии.

Начиная с критики абстрактной грамматики лингвистов старой школы и противопоставляя «застылой форме» «живое слово», Белый подбирается и к современным спорам о форме и содержании. С его точки зрения, новые направления в поэзии и соответственно их теоретики грешат неверным пониманием связи двух сторон слова. С одной стороны – те, кого он называет «эстеты, лингвисты и грамматики», включая сюда футуристов с формалистами, для которых важна только форма. Фонетика для них лишена идеологии (т. е. глубинной семантики в понимании Белого). В другой школе – мистиков – ему видится крайность содержанизма: «признавая единство, его полагают в том смысле, что высказывание содержания истинно в ему свойственной форме; в этой школе невольно внутри содержательной сферы положена форма» [Белый, 2006б, с. 388]. Эти, по словам Белого, две крайности не соответствуют «заданию новой словесности», провозвестником которой выступает он сам. Обе стороны слова – его идеология и семантика – должны быть единством содержания и формы, без того чтобы отдавать исключительный приори-

тет тому и другому. Это «единство», «слиянность» формы с содержанием полагается им в другой плоскости: «Благополучие спешного единения отвергаю решительно: содержание и форма суть две половинки разбитого камня словесности; соединение двух частей камня слова нуждается в цементе» [Там же, с. 389]. Ни футуристы, ни логики, ни эстетисты не заботятся об этом «соединяющем цементе». Мы видим, что аргументация Белого в защиту символа, ранее подкрепленная потебнианской теорией внутренней формы, разрастается со временем на всю область окружающей его современной словесности.

В этой связи интерес представляют сведения относительно контактов А. Белого с языковедением и лингвистической поэтикой, которые дает опубликованный В. Г. Белоусом материал под названием «Беседа о формальном методе» [2005, с. 801–842]. Из этого материала нам становится известной прямая реакция Белого, датируемая 1920 годом, на формальный метод в науке о языке.

В статье «Изучение теории поэтического языка» В. Б. Шкловский полемически по отношению к А. Белому писал: «Символисты сумели обратить внимание на форму в искусстве, но они видели в искусстве высказывание... Развитие науки лингвистики не отразилось в поэтике символистов, их система – это английская блоха, подкованная тульскими оружейниками – эта блоха не могла прыгать...» [1919, с. 2]. Полемику с Белым в этом направлении продолжил Б. М. Эйхенбаум и Б. В. Томашевский. Сам Белый, впрочем, не видел противоречия между своим подходом и формальным методом: «То, что принято в художественном произведении называть содержанием, не что иное как углубление формального элемента, и обратно: форма – кристаллизация содержания... Когда мы рассматриваем форму и содержание не как ставшее, а как нечто динамическое, то можем установить некоторое единство, где обе проблемы пересекаются... История литературы – наука об индивидуальном, неразрывном и цельном» [Белоус, 2005, с. 806].

В дискуссии, состоявшейся в 1922 г. в Вольфиле, формалистам устроили довольно суровый прием. Б. В. Томашевский начал выступление с фразы: «Формальный метод умер. Но эта неожиданная смерть позволит мне сказать несколько слов о покойнике» [Там же, с. 812]. Вся дискуссия пестрит морально-витальной метафорикой. Так, Р. В. Иванов-Разумник спорит с формализмом, отстаивая литературное произведение как «живой организм» [Там же, с. 829]. О «живом организме культуры» и «целостном единстве» говорит социолог Я. И. Гордин [Там же, с. 833]. Возможность примирения обеих позиций, кажется, находит Ю. Н. Тынянов, обосновывающий понятие «динамической формы» [Там же, с. 841]. Тем самым он отвечает на критику о том, что формальный метод ориентирован на «статический момент» науки о литературе.

Другим малоизвестным полемическим откликом на труды русских формалистов была статья С. А. Аскольдова «Форма и содержание в искусстве слова», вышедшая в альманахе «Литературная мысль» (вып. 3 за 1925 г.). Автор начинает ее с характерной для той эпохи фразы: «Вопрос о значении формы и содержания в искусстве слова стал боевым вопросом в современной литературной критике» [1925, с. 305]. Кроме того, вопрос о форме и содержании стал, согласно Аскольдову, «в последнее время симптоматическим для жизни

вообще». Будучи квалифицированным философом, Аскольдов сразу же напоминает о философских истоках категорий формы и содержания и предпринимает их философский анализ. Понимая форму как «внутреннюю структурность», он разбивает свой разбор на различные составляющие указанной категории. Он разделяет прагматическое содержание (т. е. сюжетную часть художественного произведения), психологическое содержание (аналог прагматического в лирике), форму (все остальное в произведении). Под формой Аскольдов разумеет все формальные элементы текста – от фонетики до ритма. Расширяя таким образом понятие формы, он пытается разобраться, в чем притязания формальной школы являются чрезмерными. Упрек его состоит в том, что формальный подход, изолируя форму, полагает ее единственным материалом художественной значимости.

Художественная значимость – ключевой термин С. А. Аскольдова, который он разовьет затем в учение о поэтических концептах¹. Здесь под ним понимается единство соединения формы и содержания как аксиологический акт: «Художественная значимость есть ценность, а не величина, и процесс ее образования имеет конститутивный, а не аддитивный характер» [Там же, с. 313]. Изоляция формы от содержания не позволяет, согласно философу, оценить художественную форму в составе целого текста. Каждая форма должна оцениваться по степени художественной значимости. Далее Аскольдов анализирует различные формы с разной степенью художественной значимости в прозе и поэзии. Апофеозом «бесчинства формы» называет он заумную поэзию футуристов, признавая ее лабораторное значение, но отказывая ей в художественной значимости.

На тезис формалистов о том, что форма принципиально заменяет значимость содержания, С. А. Аскольдов отвечает: форма лишь особым образом выявляет содержание. Форма и содержание «образуют некоторое неделимое единство и в общем процессе творчества, и в процессе художественного восприятия» [Там же, с. 330]. Таким образом, Аскольдов старается как будто примирить два противоположных подхода – формальный и содержательный. И в конце статьи патетично призывает формалистов задуматься (причем снова перед нами «военная» риторика): «Если формализм есть направление, желаемое изучение формы поставить на ту же высоту, что и изучение содержания, то его можно только приветствовать. Но если его лозунг – не сотрудничество в изучении формы и содержания, а отрицание содержания во всех отношениях... то ему надо объявить самую решительную войну, как несущему смерть искусству» [Там же, с. 341].

И вслед за этим правомерно задаться вопросом: следует ли за «боевым» периодом формализма «примирение» формы и содержания или же новая война, на этот раз направленная против формы?

Можно сказать, что попытки таких компромиссов, при всей их многочисленности, оказались вскоре не нужны доминирующей идеологии советской науки. На новом этапе «гражданская война» между формалистами и содержаниями сменилась полной гегемонией антиформализма. Формализм был подавлен, а большинство его критиков с потемнианского фланга разогнаны или

¹ См. подробнее: [Feščenko, 2013].

разгромлены. Само же слово «формализм» из школы в филологии превратилось в уничижительный ярлык, которым советский официоз громил неугодных ему поборников формы, от Д. Д. Шостаковича до А. А. Ахматовой и дальше. Уже в 1925 году начало этой кампании было зафиксировано в красноречивой энциклопедической статье «Форма и содержание», устами одного из поборников антиформализма: «В Советском Союзе формализм был наиболее цепкой и активной теорией, выдвинутой буржуазными идеалистами против марксизма-ленинизма. Окончательная ликвидация формалистических тенденций – одна из важнейших задач, стоящих перед советским искусством» [Дынник, 1939, с. 812]. А диктат содержания над формой в советской лингвистике был окончательно упрочен к 1950-м годам, о чем свидетельствует следующий пассаж: «Марксистско-ленинская теория учит, что всё существующее имеет содержание и форму, что эти две категории находятся в диалектическом единстве и взаимодействии друг с другом и что в этом взаимодействии ведущая, определяющая роль принадлежит содержанию» [Галкина-Федорук, 1957, с. 309].

Вместо заключения

Мне хотелось бы упомянуть одного советского ученого, по названиям трудов которого можно судить о динамике представлений о форме и содержании в русском литературоведении послереволюционных лет, – советского литературоведа М. С. Григорьева. Судя по его научной биографии, начинал он в Высшем литературно-художественном институте В. Я. Брюсова, а его ранние работы были посвящены вполне идеалистической и психологической поэтике в духе А. А. Потебни и М. О. Гершензона, направленные на критику формального метода. В 1927 году он сочувственно отзывался на книгу Б. М. Энгельгардта, назвав свою заметку в журнале «На литературном посту» «Обнаженная формальная теория». Другая его статья того же года названа «Кризис формализма». В 1929 году он опубликовал книгу с довольно тогда еще «вегетарианским» названием «Форма и содержание литературно-художественного произведения». Далее же из энциклопедической статьи о нем выясняется, что ученый «в настоящее время приближается к марксистской постановке литературоведческих проблем» [Литературная энциклопедия, 1930, с. 10]. В итоге уже к 1959 году он выпускает книгу «К истории борьбы за социалистический реализм». Таким образом, он проделывает карьеру, в целом характерную для той эпохи. Отталкиваясь от Потебни и критикуя формалистов, он вступает на путь борьбы за социалистическое содержание литературы. На его примере хорошо видно, как в официальной советской науке о языке и литературе содержание выиграло гражданскую войну с формой.

Литература

Аксаков К. С. О некоторых современных собственно литературных вопросах // Вопросы философии. 1990. № 2.

Аскольдов С. А. Форма и содержание в искусстве слова // Литературная мысль. Альманах III. Л., 1925.

Белоус В. Г. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. М., 2005.

Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.

- Белый А.* Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни) // Семиотика и авангард. Антология. М., 2006а.
- Белый А.* Жезл Аарона (о слове в поэзии) // Семиотика и авангард. Антология. М., 2006б.
- Белый А.* Собрание сочинений. Символизм. Книга статей. М., 2010.
- Брюсов В. Я.* Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 2.
- Галкина-Федорук Е. М.* О форме и содержании в языке // Мышление и язык. М., 1957.
- Дынин М.* Форма и содержание. I. Исторический очерк // Литературная энциклопедия. М., 1939. Т. 11.
- Зенкин С.* Форма внутренняя и форма внешняя (судьба одной категории в русской теории XX в.) // Русская теория: 1920–1930-е годы: Материалы X Лотмановских чтений. М., 2004.
- Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. заметка и коммент. С. И. Гиндина, подгот. текстов А. В. Маньковского // НЛЮ. 2007. № 86.
- Кандинский В. В.* Содержание и форма // Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства. М., 2001. Т. 1: 1901–1914. Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 3.
- Луначарский А. В.* Достоевский, как художник и мыслитель // Красная новь. 1921. № 4.
- Плотников И.* Общество изучения поэтического языка и Потебня // Педагогическая мысль. 1923. № 1.
- Подольский Ю.* Стиль // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Т. 2.
- Потебня А. А.* Полн. собр. тр.: Мысль и язык. М., 1999.
- Столяров М.* Форма // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Т. 2.
- Сухих С. И.* Столетие непонимания: концепция художественности в теории словесности А. А. Потебни и формальной школы // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (1).
- Тимофеев Л.* Форма и содержание. II. Теоретический очерк // Литературная энциклопедия. М., 1939. Т. 11.
- Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1981. Т. 7: Война и мир.
- Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15: Статьи об искусстве и литературе.
- Фещенко В. В.* Формализм +/- эстетика: из истории и теории лингвистической эстетики // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы междунар. науч. конф., май 2007 г., Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2007.
- Шкловский В. Б.* Изучение теории поэтического языка // Жизнь искусства. 1919. № 273. 21 окт.
- Шкловский В. Б.* Гамбургский счет. М., 1990.
- Эйхенбаум Б. М.* О звуках в стихе // Жизнь искусства. 1920. № 349–350. 23 янв.
- Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М., 1987.
- Энгельгардт Б. М.* Феноменология и теория словесности. М., 2005.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011.

Aumüller M. Innere Form und Poetizität: Die Theorie Aleksandr Potebnjas in ihrem begriffsgeschichtlichen Kontext. Frankfurt a. M., 2005.

Cassidy S. Flight from Eden. The Origins of Modern Literary Criticism and Theory. Berkeley, 1990.

Feščenko V. Aux sources de la *conceptologie* russe: la philosophie du mot de Sergej Askol'dov // Cahiers de l'ILSL. 2013. No. 37. E. Velmezova (éd.), Histoire de la linguistique générale et slave: «sciences» et «traditions». A paraître.

Weststeijn W. A. A. Potebnja and Russian Symbolism // Russian Literature. 1979. Vol. 7.

Article metadata

Title: Form and content as war and peace in Russian philosophy of language of XIX–XX centuries.

Author: V.V. Feshchenko.

Author's e-mail: takovich2@gmail.com.

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article considers some evolutionary stages of views of Russian linguists and philosophers of language on the issue of correlation of form and content. After the “peaceful” period of “harmony” of content and form in A. A. Potebnja's and his school's linguistic conceptions, follows a period of “war” against “contentism” and “psychologism” in linguistics under the auspices of Russian formalist school (V. B. Shklovsky, B. E. Eikhenbaum). Against what did the rebels fight? What were the victims of the war led by formalists winning back the primacy of form in verbal art? Was it followed by a “reconciliation” of the “victorious” form and the “defeated” content? Answering these questions, this article invokes the arguments from the wing of defenders and “satellites” of the Potebnian front after the “victory” of Russian formalists – A. Bely, S. A. Askoldov, B. M. Engelgardt, I. Plotnikov, R. V. Ivanov-Razumnik and others.

Key terms: form, content, philosophy of language, Potebnja, Andrey Bely, formalist school.

Reference literature (in transliteration):

Aksakov K. S. O nekotoryh sovremennyh sobstvenno literaturnyh voprosah // Voprosy filosofii. 1990. № 2.

Askol'dov S. A. Forma i sodержanie v iskusstve slova // Literaturnaja mysl'. Al'manah III. L., 1925.

Belous V. G. VOL'FILA [Petrogradskaja Vol'naja Filosofskaja Associacija]: 1919–1924. M., 2005.

Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. M., 1994.

Belyj A. Mysl' i jazyk (Filosofija jazyka A. A. Potebni) // Semiotika i avangard. Antologija. M., 2006a.

Belyj A. Zhezl Aarona (o slove v poezii) // Semiotika i avangard. Antologija. M., 2006b.

Belyj A. Sobranie sochinenij. Simvolizm. Kniga statej. M., 2010.

Brjusov V. Ja. Soch.: V 2 t. M., 1987. T. 2.

- Galkina-Fedoruk E. M. O forme i sodержanii v jazyke // *Myshlenie i jazyk*. M., 1957.
- Dynnik M. Forma i sodержanie. I. Istoricheskij ocherk // *Literurnaja jenciklopedija*. M., 1939. T. 11.
- Zenkin S. Forma vnutrennjaja i forma vneshnjaja (sud'ba odnoj kategorii v russoj teorii XX v.) // *Russkaja teorija: 1920–1930-e gody: Materialy X Lotmanovskih chtenij*. M., 2004.
- Kak Moskovskij lingvisticheskij kruzhok voeval s Brjusovym i Potebnej / Sost., vstup. zametka i komment. S. I. Gindina, podgot. tekstov A. V. Man'kovskogo // *NLO*. 2007. № 86.
- Kandinskij V. V. Soderzhanie i forma // *Kandinskij V. V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva*. M., 2001. T. 1: 1901–1914. *Literurnaja enciklopedija*. M., 1930. T. 3.
- Lunacharskij A. V. Dostoevskij, kak hudozhnik i myslitel' // *Krasnaja nov'*. 1921. № 4.
- Plotnikov I. Obshhestvo izuchenija pojeticheskogo jazyka i Potebnja // *Pedagogicheskaja mysl'*. 1923. № 1.
- Podol'skij Ju. Stil' // *Literurnaja enciklopedija: Slovar' literurnyh terminov: V 2 t. M.; L., 1925. T. 2.*
- Potebnja A. A. Poln. sobr. tr.: *Mysl' i jazyk*. M., 1999.
- Stoljarov M. Forma // *Literurnaja enciklopedija: Slovar' literurnyh terminov: V 2 t. M.; L., 1925. T. 2.*
- Suhij S. I. Stoletie neponimaniya: koncepcija hudozhestvennosti v teorii slovesnosti A. A. Potebni i formal'noj shkoly // *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2011. № 6 (1).
- Timofeev L. Forma i sodержanie. II. Teoreticheskij ocherk // *Literurnaja enciklopedija*. M., 1939. T. 11.
- Tolstoj L. N. *Sobr. soch.*: V 22 t. M., 1981. T. 7: *Vojna i mir*.
- Tolstoj L. N. *Sobr. soch.*: V 22 t. M., 1983. T. 15: *Stat'i ob iskusstve i literature*.
- Feščenko V. V. Formalizm +/- jestetika: iz istorii i teorii lingvisticheskij jestetiki // *Lingvistika i pojetika v nachale tret'ego tysjacheletija. Materialy mezhdunar. nauch. konf., maj 2007 g., Moskva, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova*. M., 2007.
- Shklovskij V. B. Izuchenie teorii pojeticheskogo jazyka // *Zhizn' iskusstva*. 1919. № 273. 21 okt.
- Shklovskij V. B. *Gamburgskij schet*. M., 1990.
- Ejhenbaum B. M. O zvukah v stihe // *Zhizn' iskusstva*. 1920. № 349–350. 23 janv.
- Ejhenbaum B. M. *O literature*. M., 1987.
- Engel'gardt B. M. *Fenomenologija i teorija slovesnosti*. M., 2005.
- Jakobson R. O. *Formal'naja shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie*. M., 2011.
- Aumeller M. *Innere Form und Poetizität: Die Theorie Aleksandr Potebnjas in ihrem begriffsgeschichtlichen Kontext*. Frankfurt a. M., 2005.
- Cassedy S. *Flight from Eden. The Origins of Modern Literary Criticism and Theory*. Berkeley, 1990.

Feščenko V. Aux sources de la conceptologie russe: la philosophie du mot de Sergej Askol'dov // Cahiers de l'ILSL. 2013. No. 37. E. Velmezova (éd.), Histoire de la linguistique générale et slave: «sciences» et «traditions». A paraître.

Weststejn W. A. A. Potebnja and Russian Symbolism // Russian Literature. 1979. Vol. 7.